

Рецензия на книгу: Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с. ISBN 978-5-91657-976-5.

Б.В. Корнейчук,
Санкт-Петербургский филиал НИУ «Высшая школа экономики»,
e-mail: bkorneychuk@hse.ru

Бурное развитие институционального направления в экономике отражает общую тенденцию «социологизирования» общественных наук, предсказанную Питиримом Сорокиным. Если экономист игнорирует неэкономические явления, – считал он, – то он может создать лишь воображаемые законы, не способные объяснить подлинные экономические явления, а поэтому «ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом» [Сорокин, 2002:134]. Понятие общественного института служит общим предметом для социологов и экономистов институциональной школы и тем фундаментом, на котором формируется новая общественная дисциплина – социологическая экономика, благодаря чему процесс «социологизирования» экономики обретает симметричную форму, реализуясь во взаимодействии двух родственных наук – экономической социологии и социологической экономики.

Книга А.Аузана интересна тем, что ее автор пытается с общих позиций показать роль институтов в экономике, предлагая собственную социологическую трактовку общественных явлений. Понятно, что социолог может легко найти на слабые места в социологических изысканиях экономиста и своей критикой способствовать развитию социологического компонента экономической теории, но для этого ему придется преодолеть методологический и терминологический барьеры между социологией и экономикой. Книга состоит из трех частей, в первой излагается взгляд на автора на устройство общественной жизни в целом – это главы «Человек», «Институты», «Общество», во второй рассматриваются отдельные институты – «Государство», «Собственность», «Экономика и право», третья посвящена общественному развитию – «Институциональные изменения» и «Модернизация».

Авторская трактовка человека базируется на критике «ущербной конструкции» рационального экономического человека А.Смита и обосновании альтернативной модели человека институционального, который действует по определенным правилам и при этом способен на нерациональные поступки. Такая модель человека в экономике является относительно новой и актуальной в условиях доминирования парадигмы «мейнстрима», где человек предстает в виде расчетливой машины, нацеленной на максимизацию прибыли или полезности. Вместе с тем, она является излишне упрощенной в широком социологическом контексте, поскольку следование заданным правилам не отражает сущность человека, который по своей природе является творцом, а, значит, разрушителем

сложившихся стереотипов и норм поведения. Описанный в книге человек в своей пассивной статичности проигрывает как спонтанному и плодотворному человеку Э.Фромма, так и предпринимателю-новатору Й.Шумпетера, творчество которого выступает главным содержанием его деятельности и источником прибыли. Несмотря на очевидное возрастание роли творчества в постиндустриальной экономике, автор, наоборот, отмечает его негативное влияние на общественное развитие. Задаваясь вопросом, хорошо ли что Россия рождает талантливых людей, он отвечает: вроде бы хорошо, однако это может иметь очень серьезные последствия, поскольку в нашей стране «хорошо делается только то, что требует креативности и производится индивидуально, штучно..., но массовое производство невозможно, потому что оно основано на стандарте» [Аузан, 2014:138]. Исключив творчество из ведущих факторов общественного развития, автор не смог определить категорию человеческой деятельности, которая играет важную роль в социологических теориях, но вовсе не встречается в рецензируемой книге.

Изложение главы «Институты» построено на анализе взаимосвязи формальных и неформальных институтов и не содержит иных классификаций, что нетипично для социологии, где вопрос о классификации институтов зачастую является центральным: Э.Гидденс выделяет в обществе три основные формы институтов: политические, экономические и правовые [Гидденс, 2003], а Т.Парсонс – три внутренние среды, две из которых – политическая и экономическая системы [Парсонс, 1996]. Несмотря на то, что многие известные социологи и экономисты относят политические институты к важнейшим элементам общественного устройства, они фактически не рассматриваются в книге, что является ее системным недостатком. Процесс формирования институтов описан автором в рамках традиционной для экономистов модели выбора: каждый человек выбирает между несколькими вариантами: «вы голосуете за определенные институты – голосуете не на парламентских выборах, а в ежедневной практике» [Аузан, 2014:35]. Данная трактовка процесса развития противоречит творческой сущности человека, который не столько пассивно выбирает один вариант из заданного множества, сколько сам активно предлагает и реализует на практике принципиально новые альтернативы, причем обычно в рамках конкурентного политического процесса.

Взаимодействие общества и государства описано в терминах концепции общественного договора: «в тоталитарном сталинском обществе был очень мощный механизм общественного договора. Состоял он в том, что люди отдают практически все свои права, включая личную свободу, в обмен на возможность роста – личного роста и роста страны» [Аузан, 2014:60]. Такая позиция является уязвимой, поскольку договор подразумевает равноправие сторон и их добровольное взаимодействие, а это возможно лишь в условиях демократии. Таким образом, игнорирование автором политических институтов не позволило ему исследовать условия, при которых общественный договор действительно является таковым, а не

насильственным принуждением граждан к некому общественному порядку. Некорректное, формальное использование концепции общественного договора подменяет собой содержательный анализ реальных общественных явлений аналогично тому, как, например, расследование всех обстоятельств изнасилования недобросовестный следователь подменяет голословным выводом о «добровольном согласии сторон».

Теория контрактов, занимающая важное место в новой институциональной теории, послужила отправной точкой рассуждений автора об особенностях менталитета россиян, который называет низкую договороспособность в качестве основной отличительной особенности российского менталитета: «Сейчас буквально на триколоре можно написать самую популярную в России фразу: «Я с этими на одном поле не сяду» [Аузан, 2014:85]. С этим выводом можно в целом согласиться, если отвлечься от некорректного замечания о триколоре. Вместе с тем, заинтересованный читатель не найдет в книге обоснование этого вывода, поскольку узкие рамки «контрактного» подхода не дают такой возможности, но если бы он учитывал влияние политических институтов, то смог бы объяснить низкую договороспособность россиян отсутствием у них исторического опыта общественных взаимодействий в условиях демократии. Что касается триклора, то он был возрожден в качестве символа российского государства благодаря активным действиям демократически настроенных граждан, а поэтому с ним ассоциируется скорее стремление к свободе и демократии, чем конфликтная ситуация «на поле».

Процесс общественного развития автор объясняет «эффектом колеи» – институциональной инерцией, которая удерживает страну в определенной траектории. Он замечает, что все попытки России перехода с низкой на более высокую траекторию срываются на протяжении нескольких веков, и страна возвращается к застою, происходит «заклинивание». Причину этого он видит в первоначальной ошибке институционального выбора, когда в XIV-XV веках начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества, и Россия придумала способ осуществлять прогресс, не расширяя свободы. Автор не предлагает решения задачи выхода из колеи, отмечая лишь ее сложность. С одной стороны, он категорически против революции, как худшего из всех вариантов, а с другой стороны, он не доверяет эволюции, которая может «вывезти» Россию к популистской диктатуре [Аузан, 2014: 117,119,125,128]. Сходную позицию на экономическую историю России, основанную на тезисе о некоем изначальном институциональном дефекте, занимает В.Мау, по его мнению, негативным фактором экономического развития издавна служит укоренившаяся в общественном сознании плановая догма, или плановый фетишизм [Мау, 2013]. Оба автора не связывают сложность преодоления «колеи» в России и консервативность, жесткость российских институтов с ограничением демократических свобод, хотя именно демократические механизмы обеспечивают динамичное развитие институтов, создают благоприятные условия для изменения исторически

заданного направления развития, преодоления устаревших стереотипов и норм общественной жизни.

Последняя глава книги посвящена модернизации, которую автор рассматривает как основу для институциональных изменений, но описывает весьма эклектично: в одном месте она противопоставлена застою, в другом трактуется как проблема, которая может вовсе не иметь решения, в третьем допускается ее авторитарный вариант, в четвертом ее важным шагом выступает «идея судебных институтов». Главной проблемой модернизации автор называет спрос на изменения, а для ее практической реализации в России предлагает найти уникальную национальную формулу и «уравновешивающие ценности, которые помогут компенсировать нашу тотальную креативность, полную недоговороспособность и зацикленность на духовности» [Аузан, 2014:139].

Рассматривая различные аспекты модернизации, автор не увязывает их с процессом демократизации общества, который, по нашему убеждению, является определяющим фактором общественного развития современной России. Исключив из рассмотрения политические институты, сведя человеческую деятельность к рутинному процессу выбора и причислив креативность к негативным факторам развития, автор не мог раскрыть важную роль свободной творческой личности, которая в процессе гражданских и политических действий способна изменять общественные институты, преодолевать «эффекты колеи» в общественном развитии, служить источником постоянного процесса модернизации.

Книга будет интересна социологам, которые хотят знать, «чем дышат» близкие им по духу экономисты институциональной школы, она позволяет взглянуть на некоторые общественные явления с неожиданной стороны, и, безусловно, послужит дальнейшей интеграции родственных дисциплин, развитию социологических методов в экономической науке.

Литература

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014.

Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации. М., 2003.

Мау В. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861-1929). М., 2013.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Сорокин П. Предмет социологии и ее отношение к другим наукам // Теоретическая социология: Антология: В 2 частях. Ч.2. М., 2002.